

Революционные события и общественно-политические взгляды И.И. Вацетиса в 1917–1922 годах*

Одной из крупных фигур на советском военно-политическом Олимпе был главнокомандующий (1918–1919 гг.) советскими Вооруженными силами бывший полковник Иоаким Иоакимович Вацетис (11.11.1873–28.07.1938). О его личности, общественно-политических взглядах, причинах выбора в пользу красного лагеря известно немного. Вместе с тем, такие данные представляют немалый интерес для понимания мотивов тех или иных поступков и решений Вацетиса периода Гражданской войны и, в целом, для осмысления причин перехода представителей офицерского корпуса старой армии на сторону красных. Свет на этот вопрос проливают работы, написанные И.И. Вацетисом, а также его заявления революционной поры, поскольку на политической сцене он появился уже в 1917 г.

Вацетис был сыном батрака, латышом по происхождению, лютеранином по вероисповеданию. Он тяжело продвигался по службе, в основном, за счет упорства и честолюбия [19, с. 95]. Симпатий к старому режиму это не прибавляло. Академию Генштаба он окончил неудачно – был лишь 52-м из 53-х выпускников 1909 г. и не был причислен к Генеральному штабу [6, с. 182]. Впоследствии Вацетис объяснял академическую неудачу своим непокорным характером [13, л. 98].

С 1915 г. Вацетис служил в латышских стрелковых частях. Занимал должности командира 5-го латышского Земгальского стрелкового полка (1916–1917) и командира 2-й Латышской стрелковой бригады (1917). Вацетис был активным сторонником развертывания латышских частей в дивизию и корпус [17, л. 29], по всей видимости, претендуя в перспективе на руководящие посты. Уже в Первую мировую войну он стал одним из лидеров сплоченной

© Ганин А.В., 2017

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

группы своих земляков-латышей, у которых пользовался авторитетом и популярностью и с которыми не расставался и в Гражданскую войну вплоть до своего ареста летом 1919 г. (осенью 1917 г. он прямо сказал, что всегда будет с земгальцами [19, s. 261]).

Есть основания считать Вацетиса умеренным латышским националистом. Способствовало этому и то, что в Первую мировую войну Вацетис оказался в латышских стрелковых частях. Подтверждения обозначенному тезису содержатся в различных источниках. В частности, Вацетиса считали национально ориентированным сами латышские стрелки. Он разговаривал с ними на латышском языке, что не было характерным явлением в Первую мировую войну и даже пел национальные песни [19, s. 95–96].

В неопубликованной работе Вацетиса «История латышских стрелков» применительно к истории возникновения латышских стрелковых частей в Первую мировую войну указывалось: «Русское строевое командование сразу оценило значение латышей, которые своим знанием местности, развитием и грамотностью стояли гораздо выше русских» [17, л. 17]. В другом месте читаем: «По своим боевым качествам латыши служили примером для русских солдат» [17, л. 17об.]. Вацетис подчеркивал неприязненное отношение к латышским стрелкам в Генеральном штабе. Такое отношение он связывал с германофильством военной элиты [17, л. 26].

Интересно позднейшее изложение Вацетисом своего видения цели создания латышских частей: «Я указал, что история дала случай нам собрать наш рассеянный по всей великой России народ в лице его стрелковых баталионов, что латышский народ уже не беззащитен, но эту вооруженную силу надо увеличивать, разворачивая постепенно баталионы в полки, полки свести в дивизии, а дивизии в корпус» [17, л. 29].

В статье «Роль латышских стрелков в деле создания вооруженной силы Советской республики» Вацетис отметил: «Латышский стрелок остается латышским стрелком, а русский солдат остается русским солдатом. До сих пор русский народ не прошел той школы в целом, какую прошел латышский народ. Латышский народ в течение 7 веков выковывался, ведя свою бедную жизнь под напором угнетения, материального и духовного, под палкой жестокосердчных глумителей над человеческим достоинством баронов и их¹ приспешников» [18, л. 8].

¹ В документе несогласованно – его.

Вацетис явно стремился достичь карьерных высот и делал революционную карьеру, из-за маленького роста его нередко сравнивали с Наполеоном (для революционных политиков такое сравнение могло внушать опасения). Вацетис принял Февральскую революцию. Уже в начале марта 1917 г. он разъяснял унтер-офицерам ход текущих политических событий, говорил о свободах, доверии к народному правительству, но и напомнил о дисциплине [19, с. 174]. Показательно одно из высказываний офицера в тот период: «Теперь будет свободная Латвия в свободной России» [19, с. 174]. Это говорит о том, что тогда Вацетис придерживался идей латвийского автономизма. Офицер обладал очевидным интересом к социально-политическим вопросам. Известно, например, что он объяснял подчиненным различия между социализмом и коммунизмом.

29 марта 1917 г. в Мариинском дворце состоялась встреча членов Временного правительства с делегатами 10-й и 12-й армий. 12-ю армию представлял Вацетис и еще четыре офицера, передавшие министру-председателю Временного правительства князю Г.Е. Львову постановление совета офицерских депутатов об отношении офицерства к войне и к правительству. Помимо этого полковник Вацетис от латышского народа и от латышских стрелковых полков приветствовал Временное правительство: «Латышский народ... уже много веков стоял в авангарде России против напора германизма. Ныне мы, латыши, представляем собой вооруженный народ: мы поставили под ружье всех мужчин, способных носить оружие, в наших рядах сражаются женщины. Наше желание довести войну до победного конца. Наш народ понес крупные жертвы людьми и материально, и таковые предстоят еще. Творческие силы латышского народа ослабли на время под гнетом старого режима. В составе новой свободной России, вновь возродившейся к свободной национальной жизни, латыши видят отражение своих желаний в создании автономной Латвии, неразрывно связанной с свободной Россией» [1, с. 3].

В ответ на это министр-председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов заявил: «Мы идем навстречу пожеланиям латышского народа. Комиссия разрабатывает вопрос о будущем устройстве Латвии. Конечно, такие сложные вопросы не могут быть разрешены моментально. Но вы сами уже чувствуете, что воздух теперь уже не тот, каким он был раньше, всем, и вам в том числе, дышится теперь легче и свободнее. Принимая близко к

сердцу ваше желание, Временное правительство ждет, что латышский народ доблестным участием во всенародной войне докажет свою зрелость» [1, с. 3].

Из этого свидетельства следует, что Вацетис весной 1917 г. идентифицировал себя как представителя латышского народа, выступал за войну до победного конца и автономию Латвии в составе России. В духе времени он высказывался о гнете старого режима. О какой-либо приверженности Вацетиса большевистской программе речи не шло.

В мае 1917 г. у Вацетиса появился новый герой из Временного правительства. 20 мая 1917 г. Вацетис составил некий проект того, что А.Ф. Керенский должен взять на себя верховное главнокомандование как герой революции: «Керенский – единственный человек, который может дать революционной армии недостающий ей мощный импульс. Керенский – маховое колесо свободной революционной России и он должен стать во главе Действующей армии под названием – Верховный вождь русской армии» [4, л. 1]. Среди других предложений Вацетиса – устранение бесхозьяственности в армии, омоложение командного состава [4, л. 1об., 5]. По мнению Вацетиса, армия в тот период крепла [4, л. 8об.].

Затем, насколько можно судить, у Вацетиса наступило разочарование в революционных властях. К этому прибавился и конфликт с Исполнительным комитетом объединенного совета латышских стрелков. Вацетис боролся с вмешательством комитетов в военные вопросы. В своем дневнике, захваченном чехами в Казани в августе 1918 г. и опубликованном в Чехословакии, он уже писал о развале армии [20]. Как отмечал комиссар Северного фронта В.С. Войтинский, Вацетис «особенно ревностно помогал мне в улаживании недоразумений с латышскими стрелками... Когда я познакомился с ним, он был в непримиримой оппозиции против Временного правительства. Но его настроение переменялось после моего обещания выхлопотать ему производство в генералы» [2, с. 200]. Впрочем, вопреки дальнейшему утверждению Войтинского, Вацетис генералом так и не стал, однако, по совокупности свидетельств, честолюбивые мотивы у будущего советского главнокома имелись. К тому же авторитет Вацетиса среди латышских стрелков был по-прежнему очень высок.

В ноябре 1917 г., когда полковник Вацетис получил вызов в Могилев для назначения на пост командующего 12-й армией, земгалды подарили своему командиру саблю, что повлекло волну револю-

ционной критики. В конце 1917 г. Вацетис занял пост начальника оперативного отдела революционного полевого штаба при Ставке.

Вацетис обратил на себя внимание большевистского руководства в самом начале 1918 г., отличившись в борьбе с польским корпусом генерала И.Р. Довбор-Мусницкого в Белоруссии. С тех пор его позиции стали укрепляться, а карьера пошла в гору. Очевидным стимулом стало значительное количество его земляков в РККА и в других советских структурах. К этому примешивался антигерманизм Вацетиса и надежды на то, что красные смогут действовать в интересах латышского народа. Весной 1918 г. Вацетис стал командиром Латышской стрелковой дивизии. При этом вел свою игру – на случай разгрома большевиков спланировал уход вместе с дивизией в Прибалтику [13, л. 173].

На первомайском параде 1918 г. Вацетис приветствовал войска рядом с руководителями военного ведомства наркомом Л.Д. Троцким и его заместителем Э.М. Склянским, лично представился председателю СНК В.И. Ленину. Трамплином к достижению Вацетисом высшего поста в РККА стало лояльное большевикам поведение и решительные действия в период подавления восстания левых эсеров в Москве 6–7 июля 1918 г. Успешное подавление было осуществлено, в значительной степени, благодаря Вацетису и верным ему латышским стрелкам. В результате большевистская власть в столице удержалась.

Вацетис произвел тогда благоприятное впечатление на В.И. Ленина, с которым вместе с Н.И. Подвойским они в тот тревожный день ели хлеб в секретариате Ленина, отламывая от одного куска [14, л. 16]. На всю жизнь будущий главком запомнил вопрос Ленина, обращенный к нему: «Товарищ, выдержим до утра?» [12, л. 149]. Благодаря успеху в подавлении восстания, Вацетис уже через несколько дней возглавил борьбу с внутренней контрреволюцией на единственном тогда Восточном фронте, а затем стал советским главнокомандующим.

Даже после назначения в сентябре 1918 г. на пост главнокомандующего всеми советскими Вооруженными силами Вацетис продолжал уделять чрезмерное внимание латышским стрелкам, что было, конечно, минусом в работе главкома. В частности, он занимался даже такими мелочами, как вопрос о полковом оркестре для латышских частей [15, л. 455].

Находясь на руководящих постах в РККА, Вацетис окружил себя латышами. Так продолжалось до его ареста летом 1919 г. по

делу Полевого штаба. Кроме того, Вацетис содействовал продвижению латышских командиров по службе и получению ими академического образования [11, л. 5об.]. По характеристике бывшего генерала А.Е. Снесарева, встречавшегося с Вацетисом 23 сентября 1918 г., «у него (Вацетиса.– А.Г.) просто, он одет граждански, толстый, жирный. По акценту скорее напоминает чухну. Кругом него только латыши... русским духом не пахнет... Если он талантлив, то это 1-й латыш из виденных мною, но едва ли он исключение... упрям он несомненно... О русском народе он говорит с худо скрытым презрением и повторяет, что ему нужна палка...» [16, с. 37].

5-й Латышский стрелковый полк использовался для охраны Полевого штаба Реввоенсовета республики – Ставки Вацетиса – в Серпухове. Популярность Вацетиса у латышских стрелков и наличие в Ставке верного главкому из бывших офицеров полка беспокоило партийных руководителей. Тем более, что Вацетис мог неосторожно заявлять сослуживцам о планах «тряхнуть Москвой» с помощью верных латышей².

То, что латышский вопрос был важен для Вацетиса, подтверждается и фактом его согласия в январе 1919 г. занять должность командующего армией Советской Латвии при сохранении поста главкома. Интересно, что в ходе расследования причин оставления Риги советскими войсками 22 мая 1919 г. военный руководитель 155-й инспекционной комиссии Высшей военной инспекции сообщил 17 июля 1919 г. заместителю председателя и военруку инспекции, что «в присутствии тов. [А.М.] Стопани и моем т. [К.Х.] Данишевский обвинял б[ывшего] главкома Вацетиса в пьянстве и в том, что Вацетис “ульмановской ориентации”³, подтверждая последний аргумент ссылкой на командующего белолатышскими войсками б[ывшего] полковника [О.А.] Баллода, “который изменил и который был рекомендован Вацетисом”.

Последний аргумент есть тяжкое обвинение против бывшего главкома, если рассматривать измену Баллода как индивидуальный акт, если же эту измену рассматривать в масштабе общих причин развала Латышской армии, то из показаний того же т. Данишевского и [П.А.] Славена явствует, что у белолатышей оста-

² Эти слова стали одним из пунктов обвинения против него летом 1919 г. [7, л. 1об.].

³ Речь идет о первом премьер-министре Временного правительства Латвийской республики К. Улманисе.

лось не только до 30 % комсостава Латышской армии, но и до 63% коммунистов, партийных работников... согласно положения в Латармии все лица комсостава утверждались и проходили через контроль Реввоенсовета Латармии или других ее политических организаций, которые имели право самого действительного отвода. Кроме того, Ставка обвиняется в несвоевременной высылке подкреплений» [8, л. 1об].

По документам известен командир кавалерийского отряда при Вацетисе О.А. Баллод, в армии Советской Латвии он занимал пост инспектора пехоты и состоял для поручений при командующем [10, л. 7; 9, л. 2]. Баллод дезертировал из РККА и с 11 июля 1919 г. служил в латвийской армии⁴. Подобные обвинения можно отнести на счет неприязни К.Х. Данишевского к Вацетису, но не упомянуть о такой оценке нельзя.

Служивший в Высшей военной инспекции А.М. Стопани отмечал враждебность верхов бывшей армии Советской Латвии (с июня 1919 г. – 15-й армии) к Вацетису: «Верхи 15-й армии, в лице тов. Данишевского, весьма болезненно воспринимающие все директивы Центра (гл[авным] обр[азом] ставки), касающ[иеся] реорганизаций армии, обвиняют главкома в национ[ал]-либерализме в духе общности с Ульманом, в тенденциозно-враждебном отношении к современным верхам б[ывшей] Латармии и желании прибрать ее в свои руки, в систематич[еской] неразборчивости в назначениях на разные военные должности близких к нему лиц вплоть до его молодого племянника (также Корьсан, Биплон – теперь на стороне белых) в том, что берет к себе изгнанных из Латармии за непригодностью (напр., Лерхе, Мелбикс, Соедов – теперь на Южн[ом] фронте и т.д.)» [9, л. 87–87об.].

В сентябре 1919 г. из-под ареста Вацетис писал В.И. Ленину, что в сравнении с другими частями РККА «латышские стрелки... более развитые и более крепкие революционным духом» [3, л. 2. Публикацию документа см.: 5, с. 42–43]. Наконец, весомым подтверждением национальных приоритетов Вацетиса стало то, что в 1921 г. он отправил свою семью (жену и троих детей) в Латвию, очевидно, намереваясь туда перебраться следом⁵. Определить

⁴ Сведения предоставлены военным историком доктором Э. Екабсоном (Рига).

⁵ Сведения предоставлены военным историком доктором Э. Екабсоном (Рига).

дальнейшую эволюцию мировоззрения Вацетиса затруднительно, поскольку в советских условиях, отягощенных необоснованным арестом, он уже не мог свободно высказываться по политическим вопросам. Кроме того, отрыв от прежних сослуживцев и подчиненных, латышских стрелков, переход на преподавательскую работу неизбежно должны были привести к появлению иных приоритетов в службе и жизни бывшего главкома, нежели латвийский национальный вопрос.

И.И. Вацетис в 1918–1919 гг. занимал высшие посты в руководстве Красной армии. При этом по своим взглядам он не был сторонником большевиков. По всей видимости, Вацетису были близки идеи латвийского национализма. В 1917 г. он высказывался за национальную автономию Латвии. Весь период своего пребывания на руководящих постах в РККА он окружал себя лично преданными латышами. В 1921 г. фактически признал независимое Латвийское государство, в которое планировал переехать ввиду неустойчивости своего положения в Советской России.

Список литературы

1. Вестник Временного правительства. 1917. № 20 (66). 30.03. (Выражаю благодарность А.Г. Горчакову (Рига) за указание этого источника).
2. Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. 320 с.
3. ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 144.
4. ГА РФ. Ф. Р-336. Оп. 1. Д. 99.
5. Жалобы арестованного Вацетиса. За что попал к чекистам главком из латышских стрелков? / публ. А.В. Ганина // Родина. 2011. № 2. С. 42–43.
6. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988. 280 с.
7. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 61.
8. РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1567.
9. РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1574.
10. РГВА. Ф. 24380. Оп. 7. Д. 27.
11. РГВА. Ф. 37976. Оп. 1. Д. 34.
12. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 1.
13. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 2.
14. РГВА. Ф. 39348. Оп. 1. Д. 9.
15. РГВА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 148.
16. Снесарев А.Е. «Вся Россия – больна». Из дневника 1918–1919 годов // Московский журнал. 1996. № 8. С. 37–48.
17. Национальный архив Латвии (LVA). Ф. 45. Оп. 3. Д. 27.
18. LVA. Ф. 45. Оп. 3. Д. 25.

19. Ģermanis U. Oberst Vācietis und die lettischen Schützen im Weltkrieg und in der Oktoberrevolution. Stockholm, 1974. (Выражаю глубокую благодарность к.и.н. Л.В. Ланнику (Саратов) за перевод фрагментов этой работы).

20. Rozvalarmády. DeníkplukovníkaVacetise.Praha, 1921. 48 s.